

- Якубовская* 2008 – *Якубовская Е.И.* Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона // *Русский фольклор*. Вып. XXXIII. СПб., 2008. С. 181–246.
- ATM – Archives of Traditional Music, Indiana University, Bloomington (Архив традиционной музыки Университета штата Индиана в Блумингтоне): 54-149-F. Siberia, 1901–02. Jesup North Pacific Expedition. Waldemar Bogoras and Waldemar Jochelson.
- Bogoras* 1918 – *Tales of Yukaghir, Lamut and Russianized Natives of Eastern Siberia by Waldemar Bogoras* // *Anthropological papers of The American Museum of Natural History*. Vol. XX. Pt. I. N. Y., 1918.
- Kendal et al* 1997 – *Kendal L., Mathe B., Ross Miller T.* Drawing Shadows to Stone. The Photography of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. American Museum of Natural History. N.Y., 1997.

T.S. Shentalinskia. Folklore of the Chuvan

The first records of folklore of the Chuvan (Chuvantsy), the people whose historical path was extremely complex, were made at the time when the Chuvan language was already extinct as such. The study of the Chuvan folklore today, the author stresses, may only be considered as a reconstruction attempt. Still, the available data on folklore of the Russian-speaking Chuvan enables one to interpret and study this particular plane of traditional culture of the people who have up to the present day retained the identity of the Chuvan. Drawing on an array of comparative linguistic, folklore, cultural, and historical materials, the author presents a thorough study of the subject.

ЭО, 2009 г., № 3

© М.К. Любарт, Ж.-Ф. Симон

БРЕТОНСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ*

Этнологическая наука в Бретани – самом западном регионе Франции – на сегодняшний день представляет собой одну из весьма интересных региональных этнологических школ в стране. Отражая, с одной стороны, уровень французской науки в целом, бретонская наука имеет свою специфику благодаря целому ряду обстоятельств, обусловленных особенностями Бретани. В их числе географическая удаленность от центра ("географическая маргинальность"); особенности истории, и прежде всего длительного существования Бретани как самостоятельного государственного образования в средние века вплоть до вхождения ее в состав Франции в 1532 г.; особенности культуры, а также сохраняющееся социально-экономическое и даже политическое своеобразие (Рис. 1). Экономически сильная Бретань, отстаивая свои провинциальные привилегии и систему автономного политического управления, оказалась в стане "реакции" в годы Великой французской революции конца XVIII в., затем – очагом гражданской войны и репрессий, что привело ее впоследствии в состояние экономического упадка. Лингвистическая специфика Бретани (бытование бретонского и галло), ее

Маргарита Кемальевна Любарт – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Европейских и Американских исследований Института этнологии РАН.

Жан-Франсуа Симон – профессор этнологии, Президент Центра бретонских и кельтских исследований, глава отделения этнологии Университета Западной Бретань (г. Брест), содиректор CNRS.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Дома наук о человеке. L'article est réalisé avec le soutien de la Fondation Maison des sciences de l'homme, Paris.

Рис. 1. Береговая линия. Западная Бретань, Брест

своеобразная культура, опиравшаяся на глубокий пласт кельтского наследия, после революции стали объектом политики унификации, проводившейся Парижем.

Социально-экономическое отставание Бретани в XIX – первой половине XX в., сохранение архаических форм социальной жизни, самобытность и богатство своеобразной культуры предопределили то обстоятельство, что Бретань долгое время оставалась "заповедником" народных традиций. Интерес к этим традициям и к тому, что во Франции называется "фольклором", развившимся на волне романтизма конца XVIII–XIX в., обусловил довольно раннюю, даже по французским меркам, их фиксацию. В своем становлении бретонская этнография, бесспорно, была связана со становлением общезападной науки, однако примечательно, что многие существенные события, имевшие общезападное научное значение, происходили именно в Бретани.

Будучи во многом наукой "региональной", т. е. имеющей в виду прежде всего культурные особенности своего региона, бретонская этнология насчитывает уже два столетия. Более того, именно бретонская "почва" явилась неким "полигоном", на котором испытывался целый ряд методов и концепций французской этнологии, наиболее яркими среди которых являются общенациональные анкетирования, многие исследования А. Ван Геннепа, опиравшиеся в качестве примеров прежде всего на бретонский материал, комплексные исследования в 1960–1970-е гг. и т. д.

Предтечи

Интерес к традициям и обычаям своего народа, уходящей старине возник в Бретани довольно рано. Как и во многих других местах, первыми фиксаторами народной тра-

диции часто становились лица духовного звания. Так, самые ранние известные нам описания бретонских танцев появились из-под пера каноника Ж. Маэ (1760–1831) в его "Эссе о древностях Морбиана" (*Mahé* 1825); многочисленные зарисовки нравов и народных традиций встречаются также в речах бретонских проповедников. В самом начале XIX в. в этой провинции действовала и целая плеяда светских наблюдателей и фиксаторов народной старины. В 1804 г. энтузиасты Ж. Камбри и Ж.-Ф. Ле Гонидек создали центр изучения кельтских культур – Кельтскую академию, основная идея деятельности которой состояла в поиске и фиксации в традициях и обычаях крестьян следов древней кельтской культуры, пережитков "кельтского прошлого". Некоторые из академиков были бретонцами. Среди наиболее значительных работ, появившихся в периодическом издании "Доклады Кельтской академии", можно, пожалуй, назвать работы Ле Гонидека, посвященные брачным церемониям в западной Бретани. По оценкам современных ученых, именно в этой организации были провозглашены впервые принципы изучения старины, культурного своеобразия, которые затем на долгие годы предопределили направление научных исследований этого профиля во Франции (*Ozouf* 1981; *Belmont* 1995). В Кельтской академии был разработан первый опросник (анкета) для исследования народных традиций, языков, песен и легенд. Начатые в 1807 г. исследования не дали существенных результатов, но они были возобновлены Королевским обществом антикваров Франции, наследником распавшейся в 1814 г. Кельтской академии.

Возникшее в этом же году, Общество породило так называемое "Движение фольклористов", любителей старины, главной целью которых был сбор того, что во Франции называется фольклорным наследием. Деятельность представителей этого направления занимает практически всю вторую половину XIX в. Историки науки называют их обычно "антикварами", "традиционалистами", "фольклористами". По меркам сегодняшней французской науки это были еще не ученые, но предтечи ученых (*Postic, Simon* 2006: 6).

В короткий период 1815–1820 гг. целый ряд бретонских аристократов проявили себя в сборе местного фольклора (*Laurent* 1999: 155). На волне романтизма в центре их внимания оказались народные песни, сказки, сказания, легенды, народные танцы... Не в последнюю очередь этот интерес был инициирован появившейся в 1815 г. работой аббата Ж. де ла Рю "Исследования произведений бардов Армориканской Бретани" (*La Rue* 1815), в которой наряду с попыткой восстановления древних текстов утверждается тезис о значительной роли бретонцев в развитии средневековой французской поэзии.

Галерея предтеч бретонской этнологии занимает большое и почетное место. Это государственный чиновник в Камперле, основатель Кельтской академии Ж. Камбри (1749–1800), оставивший яркие описания бретонского крестьянского дома, его обстановки, характера крестьянской пищи, свидетельствующие о бедности, суровости быта, отсутствии гигиены. Это художник О. Перрен (1761–1832), благодаря талантливым рисункам, картинам, гравюрам которого мы можем сегодня представить себе в деталях крестьянский быт, типичные сценки повседневной жизни крестьян Западной Бретани. Опубликованные и тщательно изучаемые сегодня, эти наглядные свидетельства насчитывают около 160 единиц. В числе предтеч также А. Буэ, автор вышедшей в свет в 1835 г. книги о повседневной жизни бретонцев (*Cambry VIII; Perren* 1808; *Bouët* 1835), и аристократ Э. де Блуа, фактически возглавивший целую плеяду собирателей народных бретонских песен разных жанров. Это граф Ж.-Ф. Кергарю, Б.-Э. де Сен-При, Ж.-М. де Пангерн, Г.-Р. Керамбран, У. Фейдо де Вожьян, мать будущего знаменитого собирателя бретонских песен Т.Э. Ла Вийльмарке, и многие другие.

В большинстве своем первые собиратели традиций не имели в арсенале ни специального образования, ни тем более научных методов сбора и обработки получаемой информации, однако некоторые из них оставили значительное наследие. Такова, на-

пример, фигура виконта Теодора Эрсара Ла Вийльмарке (1815–1895) – филолога, посвятившего жизнь изучению бретонского языка и бретонской литературы, прежде всего устной народной поэзии, неутомимого собирателя бретонских песен (*La Villemarqué* 1837, 1838, 1859). В 1839 г. Ла Вийльмарке опубликовал знаменитое собрание бретонских народных песен – "Barzaz-Breiz", которое имело шумный успех не только в Бретани, но и во всей Франции. Благодаря своей подвижнической работе Ла Вийльмарке выдвинулся в этой области науки как ученый первой величины. Как никто другой, он познал подлинный триумф на родине: в 1846 г. он получил высшую награду государства – орден Почетного легиона, в 1851 г. по предложению Ж. Гримма был избран в Королевскую Академию Берлина как иностранный член-корреспондент. Впоследствии, однако, оригинальность большинства песен была поставлена под сомнение, в основном потому, что Вийльмарке отказался назвать свои источники. Poleмика по поводу авторства этих песен продолжалась долго, и только в 70-х гг. XX в. профессор Университета г. Бреста Д. Лоран нашел подлинные записи Вийльмарке на бретонском языке, подтверждающие полевую работу автора в разных областях Бретани (*Laurent* 1974a; 1974b: 184–189). Так или иначе, этот сборник вызвал огромный интерес к бретонскому фольклору и народным традициям. Существует мнение, что именно это событие положило начало движению бретонского автономизма. Заслугой Вийльмарке являются также и другие работы, например "Бретонские барды. Поэмы VI века" (*La Villemarqué* 1850). Подобранные из числа наиболее древних манускриптов, проанализированные и восстановленные, они были впервые переведены им на французский язык. Его метод сравнительных сопоставлений при реконструкции их исходной формы (итоговая запись после интервьюирования приблизительно двадцати информантов об одной и той же единице – песне) был одобрен французской Академией изящной словесности, а также многими учеными Германии и Великобритании, в том числе и его другом – немецким фольклористом Ж. Гриммом.

Другой известный и весьма плодотворный собиратель бретонского фольклора – Э. Сувестр (1806–1854) – журналист, писатель, автор сборников педагогических сочинений, рассказов для чтения в семейном кругу, посвященных народной культуре Бретани (*Souvestre* 1828, 1859), даже художественные произведения которого имели в своей основе сюжеты на темы жизни в Бретани (*Он же* 1840–1841, 1856a, 1856b, 1857, 1860, 1868, 1876). Э. Сувестр собрал целый ряд легендарных повествований и песенной поэзии главным образом области Ван. Книга "Последние бретонцы" (*Он же* 1836) является, по сути, одним из первых этнографических описаний ряда местностей Западной Бретани – поселений, семейных обычаев и обрядов, праздников, суеверий, нравов и т. д.; включая особенности социальной жизни, например особую роль священников в жизни бретонских деревень. Вторая часть "Последних бретонцев" полностью посвящена поэзии Бретани, т. е. фольклору – начиная от эпохи бардов до современного автору времени.

Известный фольклорист этого же поколения Ф. Люзель (бретонское имя – Фанш Ан Ухель, 1824–1895) собирал, изучал, пел сам, рассказывал в народном стиле в традиции *kan ha diskan* народные песни и сказки. Путешествуя по всей Бретани, он собирал фольклор простого люда – крестьян, батраков, служанок, пастухов. За полстолетия подвижнической деятельности были записаны сотни сказок, песен, пьес народного театра. Его работа сопоставима с тем, что сделали для своей культуры братья Гримм или А. Афанасьев. Записи Люзеля нельзя назвать совсем любительскими: ему многое дало общение с его дядей – Ж. Ле Юеру, историком и литератором, закончившим Эколь Нормаль в Париже и посвятившим свою жизнь изучению бретонской народной литературы и бретонского языка. Дядя оставил ему богатый архив, да и сам Ф. Люзель преподавал и занимался сбором "полевого материала". В 1864 г. при министерстве народного образования для него была создана должность "для разыскания и приобретения старинных рукописей бретонских театральных пьес" (*Морван* 1995:10).

Находясь в центре культурной и научной жизни Бретани, он был знаком со многими выдающимися земляками, в том числе с известным историком и писателем Э. Ренаном, благодаря советам которого избрал три основных направления своей собирательской и научной работы: народный театр, бретонская песенная поэзия и сказки, которым и посвящено большинство работ его обширного научного наследия (*Luzel* 1863, 1868, 1870, 1879, 1881, 1887, 1891).

Последователем Ла Вийльмарке и помощником Люзеля, начавшим работать в музее Кампера (Южный Фенистер) с 1886 г., был еще один выдающийся собиратель народного наследия, знаток бретонского языка А. Ле Браз. Уже в 1890 г. в дополнение к собранию Люзеля вышли два тома "Народных песен Бретани" (*Le Braz, Luzel* 1890). По совету того же Э. Ренана Ле Браз собирал народные традиции, посвященные культу святых (*Le Braz* 1893a). Однако его главным трудом стало классическое собрание фольклора, обычаев, обрядов и традиций, посвященное похоронной обрядности. Тема смерти, ее предвестий и предзнаменований, опасностей, связанных с ней в народном воображении, поверий о должном и недолжном поведении людей в момент кончины ближнего является богатейшей в бретонских фольклоре и обрядности (*Он же* 1893b).

Помимо "крупных фигур" на этом этапе сбора "полевого материала", занимающем вторую половину XIX – начало XX в., приняли участие и другие любители старины, значение которых, конечно, не столь велико, однако наглядно отражает атмосферу того времени – большой интерес к родной старине (напр. см.: *Amezeuil* 1863; *Lavenot* 1895; *Le Rouzic* 1909), а также целый ряд непрофессиональных ученых. Так, в местности Понтиви это были аббат Ж.М. Кадик (1844–1917) и его родственник аббат Ф. Кадик (1864–1929). Первый нашел и опубликовал в журнале "Ревию Бретани, Вандеи и Анжу" около 30 песен, не указав, однако, их источник и место записи. Работа второго, получившего высшее историческое образование в Париже, носила более научный характер. Пройдя "теми же дорогами" в Бретани, где собирал фольклорный материал его старший родственник, он делал это более тщательно. Став с 1896 г. священником бретонских мигрантов в Париже, он издавал (с 1899 г.) журнал "Бретонский приход Парижа" ("*La Paroisse bretonne de Paris*"). В течение 30 лет существования этого издания Ф. Кадик опубликовал там около 400 единиц бретонских сказок (сказаний) и легенд, а также около 200 песен, собранных им самим, его учениками и коллегами. В числе последних коллекций, собранных перед Первой мировой войной, – собрание И. Ле Диберде (1887–1959), включающее 20 песен местности Понтиви.

Среди собирателей фольклора оказались и те, кто посвятил себя другим сферам науки, но при возможности не обходил вниманием и народное творчество. Например, археолог П.А. де Ла Грансьер (1862–1942), известный своими работами по археологии Морбиана, всегда фиксировал фольклор о тех камнях и монументах, которые он изучал.

Эта огромная подвижническая работа, предпринятая целой плеядой собирателей фольклора, составила обширное наследие, которое современные ученые считают богатейшим источником (*Cuisenier, Segalen* 1986: 6). К концу XIX в. Бретань была тем регионом Франции, где сбор фольклора дал наиболее существенные и впечатляющие результаты, позволившие перейти к новому этапу в развитии науки и публикации фундаментальных собраний разных жанров народного творчества. В начале XX в. во Франции появляются *центры* (например Лаборатория антропологии в "*Ecole des Hautes Etudes*") и *кафедры*, которые группируют ученых – представителей новой науки, получившей название антропологии. Одно из самых значимых мест в ней занимает фигура П. Себийо (1843–1918) – президента Общества антропологии. Именно с его работы "Современное язычество у кельто-латинских народов" начинается выпуск серии "Энциклопедия научных знаний" (подсерия "Библиотека антропологии"). В ней новорожденная, еще не конституировавшаяся наука, существовавшая уже полвека в "эмпирической форме", пытается очертить сферу своих научных изысканий.

Поль Себийо, художник-маринист и поэт по первоначальному роду деятельности, в молодости увлекся народной культурой Бретани и впоследствии полностью посвятил себя собиранию устного фольклора, воплотившегося в обширные коллекции: "Народный фольклор Верхней Бретани", "Устное литературное творчество Верхней Бретани", "Народные обычаи Верхней Бретани" и т. д. Он зафиксировал большое количество анекдотов, легенд, поверий и суеверий, фольклор отдельных социальных групп – моряков, рыбаков, детей (*Sebillot* 1880–1882, 1886а, 1886б, 1886с, 1901, 1950). Осуществляя огромную собирательскую работу, Себийо руководил деятельностью других любителей старины. С начала выхода в 1886 г. и вплоть до своей кончины он возглавлял один из основных этнографических периодических изданий Франции – "Журнал народных традиций" ("*Revue des traditions populaires*"). Итогом большой работы было издание им сводных многотомных трудов по французскому фольклору. В обширном четырехтомнике "Фольклор Франции" (*Он же* 1904–1907) он систематизировал и предпринял анализ более 15 тысяч "единиц фольклора" (фактов, песен, легенд, обычаев и т. д.), значительное место среди них занимает фольклор Бретани. Этот труд, собравший материалы, собранные Себийо и в других регионах Франции, по сей день остается значимым и весьма востребованным для всех, кто занимается этнологией этой страны.

Большая полевая работа плеяды собирателей народных традиций положила начало *этнографическому музееведению*. Начиная с середины 1870-х гг., в Бретани начинают выставляться коллекции экспонатов традиционной материальной культуры, и одной из первых – галерея бретонских традиционных костюмов и бретонской мебели, организованная в археологическом музее г. Кампэр (создан в 1874 г.). Бретонские энтузиасты этнографического музееведения на несколько лет опередили открытие общезападного музея этнографии Трокадеро в Париже, в котором бретонская часть, насчитывавшая порядка 460 экспонатов, составляла наиболее значительную долю (*Landrin* 1888: 244).

Фольклорно-этнографическая работа с той или иной степенью интенсивности шла и в других регионах Франции, однако в Бретани уже к началу XX в. она достигла столь ощутимых результатов, что известный ученый А. Ван Геннеп, систематизировавший французский фольклор разных провинций, в фундаментальном труде "Учебник современного французского фольклора" назвал бретонский фольклор изученным "благодаря усилиям трех или четырех поколений ученых столь хорошо, что его можно классифицировать практически для каждого департамента, вещь еще невозможная для наших других провинций, за исключением Дофинэ" (*Van Gennep* 1973:183).

Направление, сформировавшееся благодаря фольклористам Бретани, оказало определенное влияние на развитие науки в других регионах страны, но очень скоро стало рассматриваться как довольно "узкое", требующее пересмотра с новых методологических позиций. Главный упрек состоял в том, что изучались в основном "пережитки". Общенациональная научная концепция, пришедшая на смену "фольклоризму", состояла в необходимости изучения "ближайшего прошлого".

В начале XX в. в англосаксонских странах фольклор формируется в отдельную самостоятельную дисциплину. Но во Франции, а в Бретани, пожалуй, в особенности, отношение к фольклору и к изучению старины получает со стороны общественного мнения некоторый pejоративный оттенок. Его изучение осмысливается как пассивизм, неоправданный уход в прошлое и даже как некоторый тормоз развитию науки. Работа бретонских фольклористов не получала в столице должного признания. С другой стороны, в развитии общественных наук доминирующее место, благодаря выдающимся трудам Э. Дюркгейма, получает социология, изучение современного общества новыми, прогрессивными и весьма эффективными методами. Этнография (а позднее и этнология) родной земли, Бретани в частности, на долгое время попадает "в тень".

Эти обстоятельства и внутренняя логика развития науки привели к тому, что французская этнология в целом и бретонская в частности на долгое время обращаются к изучению прежде всего отдаленных обществ и культур. В 1987 г. директор департамента исследований по социальным наукам в Школе высших исследований в Париже И. Шива констатировал, что "французская этнология... вплоть до недавнего периода пренебрегала французским обществом как объектом изучения" (Shiva 2006: 6). В своей статье "Этнология в зеркале" он относит начало ее формального создания к 1937 г., когда в Париже рядом с Музеем человека был открыт национальный Музей народного искусства и традиций (МНИТ), а по случаю Интернациональной выставки искусств и техники состоялся международный фольклорный конгресс.

Одними из центров этнографической науки в то время становятся именно этнографические музеи (музеи народных искусств, традиций и т. д.). Важным событием для французской и бретонской этнографии стал тот факт, что назначенный главой Музея народных искусств и традиций Ж.-А. Ривьер и его соратники решили вновь обратиться к масштабным полевым исследованиям с помощью типовых анкет. В июле 1939 г. был начат общенациональный эксперимент по изучению традиционного музыкального фольклора. В качестве пилотного региона была выбрана Западная Бретань, предыдущие исследования в которой гарантировали обилие материала. Группа фольклористов под руководством К.-М. Дюбуа и Ж. Обуайе собрала большое количество песен, мотивов, напевов в бретонских областях Ван и Корнуайль. Окончанию этой работы помешала война, Бретань оказалась в зоне фашистской оккупации.

Однако даже в военные годы некоторая работа продолжалась. МНИТ были организованы экспедиции, в основном для изучения материальной народной культуры. Исследования этого и несколько более позднего времени (работы Д. Лайе, Р. де Ла Годлине, Р.-И. Крестона) фокусировались на сельской архитектуре, мебели, традиционных занятиях населения. Крестон предложил целую программу, согласно которой этнология должна была развиваться в трех основных направлениях – как университетская дисциплина; как наука, построенная на большой исследовательской, в том числе полевой работе; как наука музейная. На этой основе был создан Институт бретонской этнологии, деятельность которого, к сожалению, была не долгой.

Сразу после окончания Второй мировой войны были возобновлены масштабные научные экспедиции под руководством МНИТ, многие из них проходили в Бретани. Это обстоятельство способствовало налаживанию отношений между столичной наукой и лице Музея и местными учеными и энтузиастами. Вместе с тем на послевоенный период приходится новая волна подъема бретонского этнического самосознания. Деятели культуры и энтузиасты ее возрождения, объединенные в целый ряд организаций, такие как "Bodadeg ar Sonerion", преподаватели "Ar Falz", местные католические деятели из организации "Bleun Brug", позднее объединившиеся в конфедерацию "Kendalc'h", инициировали изучение бретонского языка и культуры среди всех желающих, и прежде всего молодежи. Благодаря активной деятельности ярких пропагандистов бретонской культуры того времени, таких как Ф. Фалькан, Л. Ропар, музыкант Ж. Ле Панван, археолог П.-Р. Жьо и, конечно же, П.-Ж. Элиас, была создана некая общественная атмосфера повышенного интереса к родной культуре (Hélias 1975, 1977, 1978) (Рис. 2).

В послевоенные десятилетия парижский МНИТ значительно пополнил свою коллекцию за счет предметов материальной культуры, обнаруженных энтузиастами-собираателями в Бретани. Открытая в 1951 г. МНИТ в Париже первая временная экспозиция называлась "Бретань. Народные искусства и региональная этнография".

Отличительной чертой бретонской этнографической науки в эти годы было значительное развитие этнографического музейного дела. Именно такой, научно-практической, приближенной к музейным нуждам виделась этнология Ж.-А. Ривьеру, который выдвинул идею развития этнологии как "музея-лаборатории". По его мысли, этнографическая музеология, собственно полевые этнографические исследования,

Рис. 2. Аллея Pors-poul'han Menez-Korrïged (3000 – 2800 гг. до н. э.) – одна из бережно охраняемых исторических достопримечательностей Бретани

вузовское этнографическое обучение и этнокультурные акции (выставки, фольклорные праздники) должны представлять собой некое целое, единое поле деятельности ученых, педагогов и культурных деятелей. В 1948 г. он стал во главе комитета, организовавшего фольклорные праздники в Корнуайле, в 1954 г. занял пост главы национальной комиссии по фольклору и народному образованию.

Несмотря на такой подъем, в самой Бретани не было официальной организации этнографической науки, бретонские ученые были членами Французского этнографического общества в Париже, организованного при МНИТ. Из столицы в определенной мере и "направлялась" наука в Бретани путем стажировок молодых специалистов, а также организацией конкурсов (например конкурс 1952 г., посвященный бретонскому фольклору о птицах).

Под эгидой Национального центра научных исследований (CNRS), а также находясь в контакте с МНИТ, А. де Фелис собирала народные песни в Бриере (Бретань), а Ж. Массиньон, занимаясь созданием лингвистического атласа Западной Франции, углубилась в этнографию бретонского региона Трегор. Речь все еще шла об индивидуальном вкладе отдельных ученых в изучение бретонской этнографии. Официальную финансовую поддержку из центра в те годы, будучи также сотрудником CNRS, получал только Р.-И. Крестон для своей работы по изучению бретонского костюма.

Некоторые ученые, например П. Делярю и П. Куаро, признанные специалисты по бретонским народным песням и сказкам, не смогли найти себе места в официальных научных структурах и остались на положении "вольных стрелков". Их отношения с

официальной наукой в Париже, представленной в то время мощной социологической школой Э. Дюркгейма и М. Мосса, утвердивших этнологию как образовательную дисциплину, были порою напряженными, а порою и конфликтными. Роль посредника между "местными учеными" и наукой МНИТ играл некоторое время Крестон, который с 1955 по 1964 гг. возглавлял движение "Ar Falz". Он способствовал совершенствованию знаний молодых ученых в этнографических экспедициях, результатом чего стало, например, появление в 1950-х гг. серии наиболее точных на то время записей бретонских песен. Заметна его роль и в привлечении новых любителей на ниву собирания и изучения еще живых элементов бретонского фольклора, особенно в Центральной Бретани. Этому в немалой степени помогали летние учебные практики, которые организовывали "Ar Falz" и "Bleun Brug". В 1955 г. во время одной из таких стажировок (экспедиций) в департаменте Кот д'Армор народные танцоры, чье искусство изучали стажеры, были приглашены в местечко Пулауан на небольшой фольклорный праздник, где в самом танце объединились бывалые танцоры и молодые энтузиасты. Это небольшое событие послужило прообразом распространенных в сегодняшней Бретани "Fest-noz", так назывались в старину танцевальные вечера (ночи) в период сбора урожая.

В это время в поле зрения ученых попадают аспекты народной культуры, которые раньше мало интересовались: танец и материальная культура, и в первую очередь – традиционный костюм, в изучение которого неocenимый вклад внес Р.-И. Крестон. Морской офицер и художник, он с молодости проявлял интерес к родной старине, был одним из создателей художественных журналов "Kornog" и "Keltia", издававшихся в межвоенное время и посвященных культурному своеобразию Бретани. С 1925 г. Крестон начал масштабную работу по сбору материалов о бретонском народном костюме, которая продолжалась четверть века. Как отмечают современные исследователи, все, что было написано об этом до Крестона, было недостаточно и неполно (Giot 1978: 10). Работая одновременно как художник, он создал серию прекрасных иллюстраций, осуществил картографирование вариантов костюма, создал сравнительные схемы его эволюции, предложил классификацию. Подвергнув сомнению существовавшие теории происхождения бретонского костюма, согласно которым его основные элементы возводились к эпохе древних кельтов, он показал историю их возникновения как производную, с одной стороны, городской моды и индивидуальных вкусов, а с другой – особенностей одежды социальных классов. Согласно его исследованиям, вариации бретонского костюма в конце средневековья различались больше по социальному критерию, чем по географическому или клановому признакам (Creston 1978: 21–32).

Находясь на военной службе, Крестон занялся также тем, что впоследствии получил название "морская этнография", изучая разные аспекты традиционной навигации, традиционное рыболовство и морской промысел, подводную археологию Атлантики. Как генеральный секретарь Международного комитета по морской этнологии, он многие годы представлял на его конгрессах французскую науку. Немало сделал он и для формирования этнографической коллекции в Музее человека (Париж), а также для организации экспозиций бретонского традиционного костюма в городах Ренн и Кампэр. В 1962 г. он стал хранителем Музея в Сен-Бриё и инициатором выставок региональной бретонской этнографии.

В 1963 г. защитил диссертацию на тему "Народная традиция танцев в Нижней Бретани" Ж.-М. Гильше. В этом же году вышел его монументальный труд под тем же названием (Guilcher 1963), который стал результатом пятнадцатилетних изысканий автора. Систематический сбор полевого материала в сельских поселениях и городах был начат им в 1945 г., в результате были исследованы 375 коммун. В то время богатейшая традиция народных танцев еще была жива, здравствовал целый ряд любителей-исполнителей. Гильше поставил себе цель собрать все танцы, их разновидности и версии, рудиментарные формы и модификации, не делая предварительных суждений об их

ценности (Там же 1963: 9). Детально проанализировав, он подразделил их на общие (хороводного типа) и парные, а также промежуточные типы, показав, что первый тип является древнейшим. Гильше подробно описал все известные бретонские танцы: бретонский гавот, "ан дро", "антердро", "ларидэ" и "ридэ", "тро плэн", трегерский танец, леонский, "ле бал", "паспье", "жабадао" и др. Для каждого из них он дал описание и анализ формы, движения, шага, музыкального сопровождения, предпринял исследование древних истоков, углубляясь в прошлое, насколько ему позволяли архивные и другие документы. Он не упускал из виду также эволюцию традиции и на примере танцев пытался осмыслить, что же есть традиция в народной культуре, каковы факторы ее складывания и модификации.

Важной частью его работы было изучение контекста бытования танца, т. е. обстоятельств и случаев, в которых и по которым исполнялись танцы: окончание сельскохозяйственных работ, свадьбы, праздники, ярмарки и т. д. Гильше подчеркивал, что в традиционной сельской культуре, где интеллектуальная жизнь была ограничена, а телесная, двигательная активность высока, танец имел совсем иное значение, чем в современном обществе, в жесте и движении было заключено подчас большое психологическое содержание (Там же 1963: 7). Именно потому Гильше интересовала также "субъективная составляющая" танца, т. е. сам танцор, его ожидания от танца, чувства и эмоции, порождаемые им. В одной из рецензий 1960-х гг. на его монографию отмечается, что по широте, строгости, тщательности описания народного танцевального наследия книга Гильше не имеет себе равных (*Arts et tradition* 1964: 74).

С начала 1960-х годов Бретань становится также одним из регионов, где проходят популярные в то время междисциплинарные комплексные исследования, посвященные изучению истории, природных особенностей, демографии и этнографии какого-либо небольшого региона или населенного пункта. Первая такая мультидисциплинарная миссия, организованная по предложению Р. Жессана, директора Музея человека, имела место в 1961–1967 гг. в бретонском местечке Плозеве (*Plozevet*). Целью стационарного исследования коллектива ученых было изучение проблемы адаптации аграрного общества и французских крестьян к условиям современной жизни на примере всестороннего изучения жизни одного "изолята" – поселения на юге бретонского департамента Фенистер, весьма характерного во многих отношениях для Бретани. В исследовании приняли участие представители многих наук о человеке – демографы, антропологи, историки, этнологи, социологи, биологи, генетики, экономисты, географы... Всего в течение 7 лет в Плозеве работали около 100 специалистов. Для этнологов, большинство из которых были специалистами по неевропейским народам, это было первое "включенное" наблюдение на родной территории, выработка методов исследования проблем современного бретонского общества. В качестве таковых были наблюдение за ходом крестьянских работ, интервью с жителями, впервые широко использовалась киносъемка. Полевым изысканиям предшествовала большая предварительная работа в архивах и с данными статистики. Итогом стали статьи и доклады специалистов, работа по обобщению этого проекта была поручена историку А. Буржьеру (*Burgière* 1975). Несмотря на размах и затраченные средства, по мнению современных ученых, это была не совсем удачная "проба", поиски, которые, как было признано, не очень себя оправдали. Среди положительных итогов этой миссии – увеличение числа этнологов-специалистов по Бретани.

Рождение бретонской этнологической школы

С 1960-х гг. между так называемой бретонской культурной средой (представителями культурной и научной интеллигенции, энтузиастами народной культуры), учеными (как правило, выходцами из Бретани), занимающимися этнологией Бретани в Париже, и учеными МНИТ установились довольно прочные связи. В 1967 г. стажер Музея

(сотрудничавший в CNRS) Д. Лоран опубликовал в журнале "Народные искусства и традиции" статью о своем опыте сбора фольклора (народных сказаний – *gwerz*), в которой он впервые в бретонской науке показал, что устная традиция может значительно расширить представления ученых и даже в ряде случаев дать больше в изучении тех или иных явлений, чем архивные материалы. С этого момента изучение устной традиции, фольклора становится наиболее сильной стороной бретонской этнологии.

В 1967 г. Ж.-А. Ривьер организовал на о-ве Уэсан сессию по подготовке будущих директоров так называемых естественных парков (*parc naturel*) – этнографических музеев под открытым небом разной тематики и размера. В 1968 г. был открылся Музей техники и традиций Уэсана, первый во Франции *экомузей*. В 1969 г. был основан Региональный естественный парк Арморика – наглядное воплощение культуры старинной Бретани. Позднее, в начале 1970-х гг., в горах Арэ был создан второй *экомузей*. Затем их количество, при активном участии культурных ассоциаций, стало неуклонно возрастать. Они имеют огромное этнологическое значение, показывая реалии быта прошлого, орудия труда, технологии, быт, производственные и жилые интерьеры и постройки.

В 1969 г. состоялось еще одно знаменательное событие для бретонской этнологии – И. Ле Гало основал в Университете Западной Бретани (г. Брест) *Центр бретонских и кельтских исследований* (*Centre des recherches bretons et celtiques – CRBC*), собрав в нем целую группу ученых и преподавателей разных дисциплин, занимающихся изучением Бретани и регионов, населенных кельтскими народами. Сам Ле Гало является автором одних из первых всеобъемлющих работ, которые можно отнести к жанру страноведения или регионоведения Бретани (*Le Gallo* 1969). Этнолог Ж.-М. Гильше, бретонец по происхождению, возвратился из Парижа в Бретань для того, чтобы создать в рамках этого Центра секцию этнологии, в которой он работал на посту содиректора вплоть до своего ухода на пенсию в 1979 г. Вклад Гильше, привнесшего высокий уровень теоретической науки Парижа на бретонскую почву, в становление современной бретонской этнологии трудно переоценить. С 1971 г. он начал преподавание теоретической этнологии, которая стала одной из дисциплин, формирующей специализацию "Бретонская цивилизация".

На волне интереса к культурному прошлому страны еще раз проявилось стремление обратиться к ее богатому фольклору. С этой целью не только в Бретани, но и в других областях состоялся ряд экспедиций. Весьма интересна в данной связи работа Д. Лорана "Народные рассказы и песни Бретани" (*Laurent* 1978). В нее вошли фольклорные произведения, собранные в исторической местности Понтиви. Несмотря на то, что в это время любые находки были уже редкостью, Лорану удалось найти около 15 новых фольклорных единиц. Его задачей было выяснить, в какой форме эти сказания дошли до нашего времени. Исполнительское искусство, по мнению автора, еще продолжает сохранять эти произведения в форме, близкой к зафиксированной столетие назад, с традиционным сопровождением невербальными выразительными средствами, которые создают дополнительные планы пояснения: модуляциями голоса, мелодикой повествования, жестами, элементами актерской игры.

Начало 1970-х годов было отмечено сильным движением "музыкального возрождения" в Бретани. Участники специального семинара, организованного в Центре бретонских и кельтских исследований, поставили перед собой задачу срочного сбора народного музыкального наследия Бретани, эта большая работа завершилась гораздо позднее (см. ниже) (Рис. 3).

Еще одним направлением бретонской науки в это время стала разработка проблем собственной идентичности. В рамках этнологического понимания она на протяжении ряда лет (особенно в середине 1990-х гг.) освещалась в статьях журнала "ArMen", посвященных значению так называемых этнических маркеров: языка, своеобразия природы и разных элементов культуры, влияющих на самоидентификацию бретонцев.

Рис. 3. Парад коллективов исполнителей бретонской музыки на улицах г. Бреста. Апрель 2008 г.

Более интенсивно эта тематика исследуется социологическими методами и считается принадлежащей именно домену социологии (*Le Coadic* 1998, 2004; *Identité et démocratie* 2003).

С 1973 г. в Университете Западной Бретани (г. Ренн) начинается издание серии "STUDI", адресованной всем, кто "интересуется бретонским языком, литературой и культурой" (*STUDI* 1975: 3). Издание возглавили известные ученые Ж. Ле Дю и И. Ле Берр, преподаватели кельтской секции факультета словесности Университета Западной Бретани. В одном из ее первых выпусков появилось исследование молодого в то время этнографа Б. Танги "Бретонская топонимика" (*Tangui* 1975). Эта работа стала настоящим инвентарием бретонских названий поселений, местностей и населенных местечек, а также гидронимов и талассонимов, столь многочисленных в Бретани, где много рек, ручьев, источников, озер, болот, заводей, морских заливов; ходонимов – названий дорог и тропинок, издревле сохранившихся в Бретани; оронимов – возвышенностей, холмов и небольших гор, и т. д. Танги представил около трех тысяч наименований, с вариациями их написания и произношения. В теоретической части на основе фундаментального круга источников: топографических словарей, старинных и новых карт, данных архивов – инвентарных сборников департаментских архивов, сборников Счетной палаты Бретани, архивов сеньорий, кадастров и т. п., а также нарративных источников автор реконструирует историю возникновения топонима, прослеживая также модификацию названий и влияние на них бретонского, латинского, французского языков, а также фонетические особенности словообразования и слово-

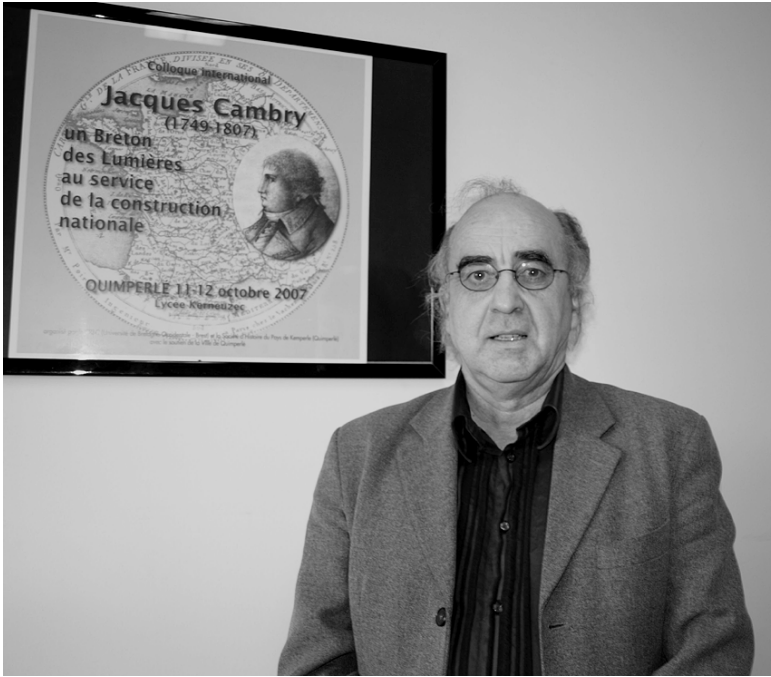

Рис. 4. Директор Центра бретонских и кельтских исследований Университета Западной Бретани (г. Брест), профессор Ж.-Ф.Симон

изменений – роль паронимии, амонимии и синонимии в образовании и утверждении топонимических названий.

В середине 1970-х гг. бретонская культура попала в "лучи прожекторов" общественного внимания. Этому в немалой степени способствовали деятели культурного возрождения, в их числе П.-Ж. Элиас. В общественно-культурной жизни этот интерес приводит к созданию и пестованию объектов исторической этнографии, таких как традиционный жилой дом (например дом Корнес в Сан-Ривоаль), мельницы в местечке Керуа, бережному сохранению памятников малой архитектуры (фонтанов, источников и т. д.).

В 1976 г. в Университете Западной Бретани был создан Центр французской этнологии по инициативе Высшей школы социальных наук (Париж) и при участии известного французского историка, бретонца Ж. Ле Гофа. Сфера этнологического образования заметно усиливается благодаря работе в Центре известных и ярких специалистов. Во второй половине 1970-х гг. здесь преподавали Ж.-М. Гильше, Н. Бельмон, фольклорист М.-Л. Тенез, плеяда авторитетных историков: Ж. Ле Гоф, М. Оже, М. Озуф, Ф. Эритье, Ш. Жустан, А. Буржьер, Ж. Гуа, Л.-В. Тома, Ф. Лу, М. Сегалан, А. Вальтер... Представители той самой "новой истории", которая интересовалась реальной жизнью простых людей, они сосредоточили свои усилия на изучении повседневной жизни семьи, быта, народной медицины прошлых веков (*Loux 1979; Segalen 1980; Thomas 1979a, 1979b; Augé 1977*). Это наложило свою печать на своеобразие и интересы поколения молодых ученых, воспитывавшихся в Центре, способствовало "притяжению" в новую тогда еще науку историков, специалистов близких направлений.

Так начинался, например, путь в науке Ж.-Ф. Симона, возглавляющего сегодня Центр бретонских и кельтских исследований в Университете Бреста (Рис. 4). Историк

по образованию, он был увлечен изучением того, что называется "историей ментальности": повседневной жизни, обычаев и практик обыкновенных людей, которая к тому времени была, несмотря на пути, указанные еще Школой анналов, изучена весьма слабо. Однако от исследования повседневной жизни народа один шаг до этнологических проблем.

Год за годом в Университете Бреста формировалась серьезная научная база, на которой возникла собственная этнологическая школа Бретани. Особенностью ее, кроме "магистральных" этнологических курсов, было функционирование проблемных семинаров. В эти годы по инициативе и при Центре этнологии постоянно действовал семинар, который каждую пятницу собирал не менее 30 человек "студентов" всех возрастов (включая энтузиастов-любителей), интересующихся бретонской культурой. Участники семинара были задействованы в исследованиях, основанных на полевом анкетировании, разработанном Ж.-М. Гильше. Задачей было составить как можно более точные карты различных культурных фактов (*faits culturels*) с последующим их сравнением и наложением на лингвистические карты региона, что, по мнению Гильше, дало бы более глубокое понимание "культурного выражения" (*expressions culturelles*) бретонцев.

Этнологическое образование в эти годы еще давалось в рамках исторического образования, страноведения Бретани. Но этнологическая "составляющая" быстро набирала силы, появилось значительное число дипломных работ, а затем и диссертаций, посвященных собственно этнологической тематике – проблемам бытования народной культуры до 1914 г., выполненных как на архивных материалах, так и, несколько позднее, – современных, с применением методов анкетирования¹.

В это же время встал вопрос о создании этнологического научного журнала, в котором бы присутствовали и теоретические (синтетические) статьи, и материалы на основе полевых исследований, а также посвященные методике полевых исследований и экспедиций. Так появился журнал "Ag Vag", который стал выходить три раза в год под редакцией Ж.-М. Гильше. Первый его том вышел в свет в 1978 г. и содержал материалы по широкому этнографическому опросу, проведенному Б. Кадоре в Бретани.

Однако уже вскоре после столь ощутимых успехов бретонскую этнологическую науку ждал некоторый спад почти на целое десятилетие. В 1979 г. Ж.-М. Гильше, стоявший у ее организационных истоков, вышел в отставку; фигуры, равной ему по организаторским способностям, не нашлось. Университетский Центр этнологии заметной снизил свою активность. К 1980 г., когда были подготовлены к защите первые диссертации по бретонской этнологии, а именно работы Ж.-Ф. Симона по сельской архитектуре бретонского региона Леон и П. Арзеля, посвященная культуре собирателей водорослей в Бретани, Центра уже практически не существовало. Студенты и активисты, группировавшиеся вокруг него, рассеялись.

На протяжении некоторого времени только несколько ученых продолжали свою работу, и среди них Ж.-Ф. Симон, на протяжении многих лет изучавший традиционный дом крестьян, рыбаков, горожан (*Simon* 1982, 1985, 1986, 1987, 1988). Изучение бретонского дома, интерес к которому существовал давно, еще с первых описаний путешественников, географов, статистиков, до него носило преимущественно описательный характер (*Cambry* VIII; *Broumiche* 1977; *Chatelier* 1835–1837; *Foville* 1894). Несмотря на некоторые достижения в деле изучения истории его архитектуры (исследователи Жоэгер и А. Монфор, Дж.И. Мерион-Джоунс и др.), появления журнала, посвященного сельской архитектуре (основанный в 1977 г., он назывался "Сельская архитектура сухих камней", затем неоднократно менял название), исследование бретонского дома стояло "на повестке дня". Его именно этнологическое изучение предпринял Ж.-Ф. Симон, обращая внимание прежде всего на местные, локальные характеристики и особенности жилища, а также не упуская из виду каждый дом, вне зависимости от его архитектурной значимости. Его штудии начинались тогда, когда многое

Рис. 5. Современный бретонский дом в традиционном стиле. Западная Бретань

из бретонской традиционной культуры исчезало навсегда, происходили глубокие изменения в западном обществе в целом и было необходимо заниматься так называемой "срочной этнологией" ("ethnologie d'urgence"). Им были изучены основные типы бретонского традиционного дома, каждый из которых имеет по нескольку строительных техник: дом "обычный", в котором жили только люди; дом "длинный", в котором жили люди и за перегородкой – домашние животные; и дом "удлиненный", названный так за свою протяженность в пространстве, в котором жили только люди.

Принцип "за изучаемым материальным объектом искать человека", внимание к связям жилища и человека с окружающей средой, связям материальным (функциональным) и символическим (Simon 1998: 14) привел его также к пониманию того, что все в доме должно быть объектом анализа, как с точки зрения форм, так и с точки зрения функциональности. Впрочем, необходимость комплексного изучения дома осознается и другими исследователями (Рис. 5). Так, например, Ш. Бромберже обосновывает это тем, что дом это "спрессованная цивилизация", "объект пересечения многих логик: экологической, технической, экономической, социальной, символической" (Bromberger 1988: 3). Объектом исследований Ж.-Ф. Симона стали не только дом, но и двор, пространство усадьбы, сельскохозяйственный "пейзаж" как совокупность практик, связанных с природопользованием, топография и характер поселений, земельные участки и другие уголья разных типов, их диахронический анализ с целью выявить "динамику" и "трансформацию" пространства, в том числе в долгой перспективе, последствия урбанизации. Чтобы понять, как это пространство "жило" в разные эпохи, он использовал метод обращения к исторической этнологии и архивам, а также

интерпретации исторических документов в свете устной информации, собранной в полевых исследованиях.

Упомянутый выше "провал" в этнологической науке постепенно преодолевался. Уже к концу 1980-х гг. в бретонской этнологической науке появилась целая плеяда ученых, таких как Д. Жиродон, М. Уари, Ф. Перу, П. Арзель, Ф. Постик, Д.-М. Боэль, С. Денефль. Это было поколение, сформировавшееся еще в период активного действия Центра этнологии, но в силу ряда причин большинство из них занялись наукой несколько позднее. Многие из "выходцев" Центра посвятили себя этнологии Бретани в том или ином качестве: они работают в сфере образования, науки, в музеях, других организациях.

В 1980-е гг. этнология была признана как научная дисциплина. В 1981 г. в Институте культуры Бретани (l'Institut culturel de Bretagne) была открыта этнологическая секция, которую возглавил Д. Лоран, а ассоциация "Buhez", возглавляемая Ж.-П. Жестеном, открыла первую большую экспозицию "Свадьба в Бретани", которая действовала с 1980 по 1984 г. Ее теоретическое осмысление отразилось в работах М. Сегалан, которая избрала для своей диссертации изучение родственных и иных социальных связей в коммунах местности Бигуден. Этой же организацией были подготовлены и проведены и другие значительные выставки: в 1985–1989 гг. – "Бретонцы и Бог"; в 1994 г. – "Когда бретонцы садятся за стол. Манеры пить и есть в Бретани" (Quand les Bretons 1994), в 2001 г. – "Поговорим о бретонском языке".

В это же время появился первый номер журнала "Le Chasse-Marée", который находился в близкой связи с Обществом бретонской этнологии, возглавляемым с 1982 г. Д. Лораном. Этот ежеквартальный журнал имеет подзаголовок "Морская история и этнология" и посвящен в основном этнологии Бретани. В статьях, сопровождающихся, как правило, красочным видеорядом, рассказывается о людях, живущих у моря, их образе жизни, культуре взаимодействия с морем. В сфере интересов авторов торговля, рыбная ловля и морской промысел, повседневная жизнь, обычаи и суеверия моряков, исторические события и происшествия в море, современные и традиционные ремесла, связанные с мореходством и жизнью на берегу, постройки побережья, морская архитектура – от маяков, которыми начиная с XVIII в. славится Бретань, до кораблестроения.

В 1985 г. по инициативе редакции журнала был организован большой морской праздник "Дуарненэ 86", в финансировании и организации которого приняло участие также Общество бретонской этнологии. Этот праздник стал началом целой серии историко-этнографических празднеств, которые каждое лето проходят в Бретани.

"ArMen" и этнология

"ArMen" – еще один журнал, в котором уже на протяжении двадцати лет этнологическая тематика занимает большое место наряду с историей Бретани, ее экономикой, экологией, археологией, искусством, литературой и т. д. На первый план в нем поначалу вышли два основных направления, традиционно наиболее сильных в этнологии этого региона, – фольклор (включая описание народных традиций и праздников) и сельская архитектура. В дальнейшем был сделан акцент на другие темы: типы социальной организации общества, традиционные технические знания, производственные навыки и техника, а также символические предметы и знаки. Интерес к материальной культуре вылился в ряд статей по изучению орудий труда, по традиционному животноводству, которое еще существует, например, в Уэссане, по бретонской народной кулинарии. В многочисленных статьях были представлены костюмы бретонских районов – Плугастель-Даулас, Понтивив, земли Бигуден, Дуарненэ и др. "Сквозной темой" продолжало оставаться и бретонское жилище: статьи, посвященные его типологии, технологии строительства (Рис. 6).

Рис. 6. Номера журнала "ArMen"

В значительной степени присутствовала и традиционная тематика – фольклор и народные календарные и семейные праздники, музыка. Большой интерес был проявлен к инструментам, на которых исполнялась народная бретонская музыка. На протяжении ряда лет "ArMen" аккумулировал результаты исследований о народной музыке и исполняющих ее музыкантах. Эта большая работа завершилась в 1996 г. многотомной публикацией "Бретонская музыка", которая имеет и звуковую антологию, приложенную к ней в виде дисков.

Журнал отразил также интерес к специфическим этнологическим областям знания, таким как этнозоология, этноботаника и т. д. Появился целый ряд статей, посвященных местной флоре и фауне: об исчезнувшем ныне волке, сороке, морских млекопитающих, малиновке... Социальная же организация бретонского общества привлекала внимание исследователей в гораздо меньшей мере. Несмотря на то, что "ArMen" почти не публикует теоретических статей, а также новомодных концепций в этнологической науке, значение журнала не ограничивается лишь просветительской, популяризаторской ролью. На его страницах в течение многих лет публиковались и результаты полевой работы, и научные изыскания, касающиеся прошлого.

* * *

Долгое время бретонские этнологи ощущали недостаток институционализированности и финансирования исследований. Многие из работ, которые, тем не менее, осуществляются в университетах, проходят при поддержке местных культурных ассоциаций. Например, совместный с шотландской стороной проект по собиранию и изданию народных песен в Шотландии и Бретани проводился в Шотландии Школой шотландских исследований Университета Эдинбурга, а в Бретани – деятелями культурной ассоциации "Dastum".

Для заполнения этой лакуны в 1978 г. в Университете Восточной Бретани (г. Ренн) в рамках департамента социологии и при участии департамента кельтских исследований было создано объединение "Tud ha Vro" специально для изучения бретонского общества. С 1979 г. оно начало выпускать журнал под тем же названием. Под влиянием англо-саксонской науки большое внимание здесь стали уделять так называемой устной истории, фиксации частных "историй жизни".

В октябре 1988 г. в местечке Рьек-сюр-Белон был организован первый коллоквиум бретонской этнологии, который назывался "От фольклора к этнологии в Бретани".

Председатель секции этнологии П. Ле Гирьек показал глубину пропасти, которая, как ему видится, отличает фольклористов от этнологов: "Для одних (фольклористов. – *М.Л.*) главное в том, чтобы сохранить бретонскую культуру, последовательно собирая крупницы ее прошлого, восхваляя ценности предков и заставляя оживлять некоторые ее проявления, называемые традиционными... Для других (этнологов. – *М.Л.*) бретонская культура есть объект исследования, реализованного в сравнительной перспективе с целью выявления неких общих законов (генеральных закономерностей) человеческих обществ" (*Postic, Simon* 2006: 14).

В 1980–1990-е годы П. Ле Гирьек разрабатывал проблемы политической организации в аграрных обществах на примере общин в Скриняке и Герлескэне, а также проблемы городской этнологии. А. Гейстдёрфер развивала исследования по морской этнологии. В работах И. Шива, Ф. Дюбо, Ж. Кюизень, Ф. Бонена получила дальнейшее развитие ставшая уже традиционной к концу века тема бретонского традиционного жилища, этой "архитектуры без архитекторов", поднимались вопросы логики организации крестьянского жилища, его функциональной структуры (*Chiva, Dubost* 1990: 9–38; *Cuisenier* 1991; *Bonnin* 1992). В CRBC наибольшее внимание уделялось скорее материальной культуре и традиционной "технологической культуре", необходимость изучения которых в свое время декларировал еще М. Мосс, но инициировал на бретонской почве А. Леруа-Гуран, а затем и М. Маге. Ими были исследованы технологии разных традиционных крестьянских, ремесленных и других практик, орудий и средств труда, а "фронт" развернутых работ вызвал к жизни создание журнала "Техники и культуры" ("*Techniques et Culture*"). Интерес этих и других специалистов к проблемам "народных технологий" вывел их к исследованию народных технологических представлений и конструкторских знаний, "ноу-хау", традиционных приемов и жестов при работе.

Некоторые из бретонских специалистов не ограничивались изучением родного края, предпринимались интересные исследования традиционных обществ бывших французских колоний (напр., И. Лёблик о жизни канаков Новой Каледонии). В то же время над проблемами бретонской этнологии работают и небретонские исследователи, о чем свидетельствуют публикации в общенациональных журналах "Французская этнология", "Сельские исследования", "Земля", "Техники и культуры", "Человек".

В начале 1990-х гг. опыт региональной этнологии Бретани объединял различные мероприятия. Весьма плодотворной была работа этнологической секции Института культуры, возглавляемой с 1989 г. социологом А. Гийлу, этномузыкологом И. Дефрансом и этнологом М.-А. Барбье.

Последнее десятилетие XX – начало XXI в. было временем поступательного развития этнологии в Бретани, однако объем статьи позволяет сказать об этом лишь кратко и выборочно. Весьма плодотворным и ярким примером является, например, комплексное исследование "Заводы и болота Бретани", опубликованное в периодическом научном издании Центра бретонских и кельтских исследований Университета Бреста "*Kreiz*" (*Marais en Bretagne* 1996–1997). Тема этого труда не случайна, ведь заливы, заводы, обширные области, заливаемые морскими приливами, озера, пруды, болота, каналы – типичный пейзаж Бретани, полуострова с сильно изрезанными берегами, низменностями, наполненными морской и пресной водой. Сборнику, в котором объединены исследования этнологов, историков, археологов, биологов, экологов, предшествовал междисциплинарный семинар "Вода, символ родины", работавший в CRBC под руководством Г. Милена и Ж.-Ф. Симона. Заводная земля рассматривается здесь в широком научно-гуманитарном аспекте: топонимика мест и местечек, связанных с различными водоемами и водными источниками (*Tanguy* 1996–1997: 31–50); символизм воды благословенной (идущей с неба, обеспечивающей урожай, данной людям в качестве святых источников, "живая вода" умывален, вода очищающая и т. д.) и опасной (вода грозы, болота, их "обитатели", ритуальные захоронения в этих местах и прочие "проклятые" места); отношения человека с водой; водная и подводная археология; изучение пор-

тов, запруд, заводей, прудов, лиманов, ручьев, "низкой воды" мелководья побережья, морских приливов, маяков, береговых защит, морских мельниц, соляных болот, мостов, плотин и шлюзов, искусственных озер, колодцев, стирален; история дренажа и мелиорации и т. д. Был поднят гуманитарно-фольклорный пласт проблемы: поверья, мифы, обычаи и обряды, легенды и суеверия моряков и прибрежного населения, легендарные герои языческого пантеона, духи, а также христианский пласт верований, связанных с водой и водоемами Бретани (*Galliou 1996–1997; Cassard 1996–1997*); культуры, чудеса и опасности воды (*Simon 1996–1997: 163–189*); отражение представлений о воде в средневековой поэзии и прозе (*Milin 1996–1997: 85–135*). Эти работы коллектива ученых во многих случаях следовало бы называть топонимикой, фольклористикой, археологией с приставкой "микро", "объекты" которых рассмотрены словно под микроскопом.

Этнология в Университете Западной Бретани

После закрытия семинаров Центра этнологии Франции этнология не исчезла полностью из преподавания в Университете Бреста. Курс "Этнология Бретани" составляет одну из дисциплин ученой степени лиценциата по специальности "Цивилизация Бретани", учрежденного в 1982 г. Этнологическое образование в университете помимо общетеоретического включает курсы этнологии прежде всего самой Бретани. В выборе преподаваемых дисциплин существенную роль играет также фактор наличия ярких специалистов, ведущих курсы, основанные на изучаемых ими проблемах. В числе таковых студенты изучают сегодня, например, "Этнологию техники и технологий" (включая способы строительства, сельскохозяйственных и ремесленных работ), "Этнологию чувств", "Этнологию отношений человек–природа", "Охота и рыболовство" и т. п.

В 1990 г. были открыты лицензиат и степень преподавателя по этнологии, и это было признанием большой работы, которая проходила в университетах Бретани в течение нескольких десятилетий. Сейчас в Бретани не существует проблем ни с программами, ни с преподавателями по курсам этнологии, получило образование по специальности новое поколение студентов-этнологов. Сегодняшний день этнологической науки – детальные исследования явлений местной культуры и различных аспектов социальной действительности бретонского общества. Это домены исследований таких сотрудников, как Р. Лэйек, Т. Фабер, А. Танги, Р. Луарн и др. С 2004 г. образование дополнилось еще и профессиональным мастер-классом "Выражения идентичности и культурный туризм", в котором этнологическая составляющая явно выражена.

В многоплановых этнологических исследованиях последних лет в первые ряды выходит этнология "маргинальности", которой был посвящен проведенный весной 2008 г. коллоквиум в CRBC. Регионы, где проживает население кельтского происхождения, как на Британских островах, так и во Франции, являются "окраинными" и в этом смысле "маргинальными". Именно в эти регионы смещается британская наука, изучающая социальную отечественную антропологию, подобное происходит и во Франции (*Chevalier et al. 2007: 197–212*). Эти общества рассматриваются как относительно изолированные и экономически менее развитые. Концепция неких "изолятов", небольших сообществ "эндогамного населения", выпадающих по ряду признаков из большого глобализирующегося общества, – тема довольно дискуссионная, с одной стороны, вызывающая интерес и имеющая исследовательские перспективы, с другой стороны – для тех, кто не вполне разделяет эту концепцию, – представляется неким возвратом к "экзотизму", пережитому наукой еще во времена Кельтской академии.

Центр бретонских и кельтских исследований Университета Западной Бретани ведет также заметную международную исследовательскую деятельность. Наиболее активные изыскания в настоящее время ведутся совместно с учеными Шотландии, Кве-

Рис. 7. Афиши коллоквиумов Центра бретонских и кельтских исследований (Университет Западной Бретани, г. Брест)

бека и других регионов по комплексным проблемам, например коллоквиумы по проблемам власти и насилия, проблемам изучения устного (фольклорного) наследия и др. (Рис. 7). Последняя тематика отнюдь не случайна, учитывая место, которое занимает в бретонской этнологии наследие первых собирателей старины, да и опыт этнологического изучения не столь отдаленного прошлого – комплексных исследований конца 1960-х гг. – уже стал предметом научного осмысления, о чем говорит, например, состоявшийся 16–17 мая 2008 г. коллоквиум "Большие междисциплинарные исследования 1960–70-х годов: итоги и перспективы".

Примечание

¹ Приведем примеры работ, выполненных Ж.-Ф. Симоном в 1970-х гг. под руководством Ж.-М. Гильше и соответствующих разным степеням университетской подготовки: "Сельская община в Нижней Бретани в начале XX в: жители Плузанэ за работой", "Люди и животные в крестьянской традиционной среде Нижнего Леона", "Дом как центр традиционного сельского хозяйства в Леоне".

Литература

- Морван 1995 – Морван Ф. Дорогами Люзеля // Бретонские сказки. Народные сказки Нижней Бретани из собрания Франсуа Люзеля. СПб., 1995.
 Amezuil 1863 – Amezuil C. Légendes bretonnes. Souvenirs des Morbihan / Éd. E. Dentu. P., 1863.
 Arts et traditions 1964 – Arts et traditions populaires. T. 12. P., 1964.
 Augé 1977 – Augé M. Pouvoirs de vie, pouvoirs de mort. P., 1977.

- Belmont* 1995 – *Belmont N.* Aux sources de l'ethnologie française. L'Academie celtique. P., 1995.
- Bonnin* 1992 – *Bonnin F.* La maison rurale et les structures de l'habiter // *Etudes Rurales*. 1992. № 125–126.
- Bouët* 1835 – *Bouët A.* Breiz-Izel ou Vie des Bretons de l'Armorique. P., 1835.
- Bromberger* 1988 – *Bromberger Ch.* L'habitat et l'habitation: des objets complexes. Quelles directions pour une analyse? // *Habitat et espace dans le monde rural*. P., 1988.
- Brousmiche* 1977 – *Brousmiche J.-F.* Voyage dans le Finistère en 1829, 1830 et 1831. Quimper; Morvan, 1977.
- Burgière* 1975 – *Burgière H.* Bretons de Plozevet. P., 1975.
- Cambry* VIII – *Cambry J.* Voyage dans le Finistère ou état de ce département en 1794 et 1795. P., An VIII.
- Cassard* 1996–1997 – *Cassard J.-Ch.* Les lieux humides, espaces de vie et de miracles a la fin du Moyen Age // *Kreiz*. Etudes sur la Bretagne et les Pays Celtiques. 1996–1997. № 8. P. 71–83.
- Chatellier* 1835–1837 – *Chatellier P.* Recherches statistiques sur le département du Finistère, Nantes, Mellinet. Brest, 1835–1837.
- Chevalier et al.* 2007 – *Chevalier S., Edwards J., MacDonald Sh.* L'Anthropologie de la Gande-Bretagne: une discipline en plein essor // *Ethnologie française*. 2007. Vol. XXXVII. № 2. P. 197–212.
- Chiva, Dubost* 1990 – *Chiva I., Dubost F.* L'architecture sans architectes: une esthétique involontaire? // *Etudes Rurales*. 1990. № 11.
- Creston* 1978 – *Creston R.Y.* Le costume breton. P., 1978.
- Cuisenier, Segalen* 1986 – *Cuisenier J., Segalen M.* Ethnologie de la France. P., 1986.
- Cuisenier* 1991 – *Cuisenier J.* La maison rustique. Logique sociale et composition architecturales. P., 1991.
- Galliou* 1996–1997 – *Galliou P.* Les marecages de l'histoire // *Kreiz*. 1996–1997. № 8. P. 52–69.
- Giot* 1978 – *Giot P.-R.* Preface // *R.-Y. Creston*. Le costume breton. P., 1978.
- Guilcher* 1963 – *Guilcher J.-M.* La tradition populaire de danses en Basse-Bretagne. Chambéry, 1963.
- Foville* 1894 – *Foville A.* Enquête sur les condition de l'habitation en France, les mason-types. P., 1894.
- Hélias* 1975 – *Hélias P.-J.* Cheval d'orgueuil. P., 1975.
- Hélias* 1977 – *Hélias P.-J.* Les autres et les miens. P., 1977.
- Hélias* 1978 – *Hélias P.-J.* Lettres de Bretagne. P., 1978.
- Identité et démocratie* 2003 – *Identité et démocratie // Diversité culturelle et mondialisation: repenser la démocratie / Ed. De R. Coadic*. Rennes, 2003.
- Landrin* 1888 – *Landrin A.* Les Musées d'ethnographie // *Revue des traditions populaires*. T. III. 1888. № 5.
- La Rue* 1815 – *La Rue G.* Recherches sur les ouvrages des Bardes de la Bretagne Armoricaine. P., 1815.
- Laurent* 1974a – *Laurent D.* La Villemarqué collecteur de chants populaires: étude des sources du premier Barzaz-Breiz à partir des originaux de collecte (1833–1840). P., 1974.
- Laurent* 1974b – *Laurent D.* Aux origines du Barzaz-Breiz: les premières collectes de la Villemarqué (1833–1840) // *Bulletin de la Société Archéologiques du Finistère*. T. CII. 1974.
- Laurent* 1978 – *Laurent D.* Récits et contes populaires de Bretagne. P., 1978.
- Laurent* 1999 – *Laurent D.* La Villemarqué et les premiers collecteurs en Bretagne // *La Bretagne et la littérature orale en Europe*. Mellac; Brest, 1999.
- Lavenot* 1895 – *Lavenot P.-M.* Contes et légendes du pays de Vannes. Vannes, 1895.
- La Villemarqué* 1837 – *La Villemarqué T.H.* Essai sur l'histoire de la langue bretonne. P., 1837.
- La Villemarqué* 1839 – *La Villemarqué T.H.* Barzaz-Breiz. P., 1839.
- La Villemarqué* 1850 – *La Villemarqué T.H.* Poèmes des bardes bretons du VI–e s. P., 1850.
- La Villemarqué* 1859 – *La Villemarqué T.H.* La Légende celtique en Irlande, en Cambri et en Bretagne. P., 1859.
- Le Braz, Luzel* 1890 – *Le Braz A., Luzel M.F.* Soniou Breiz-Izel: chansons populaires de la Basse-Bretagne. P., 1890.
- Le Braz* 1893a – *Le Braz A.* Les saints bretons d'après la traditions populaires // *Annales de Bretagne*. 1893. № 1.
- Le Braz* 1893b – *Le Braz A.* Légendes de la Mort. P., 1893.
- Le Coadic* 1998 – *Le Coadic R.* L'identité bretonne. Rennes, 1998.
- Le Coadic* 2004 – *Le Coadic R.* Modernité aiguë et minorité. Rennes, 2004.
- Le Gallo* 1969 – *Le Gallo Y.* Bretagne. P., 1969.
- Le Rouzic* 1909 – *Le Rouzic Z.* Carnac. Légendes–Traditions, Coutumes et Contes du Pays. Nantes, 1909.
- Loux* 1979 – *Loux F.* Le corps dans la société traditionnelle. Pratiques et savoirs populaires. P., 1979.
- Luzel* 1863 – *Luzel F.-M.* St. Tryphine et le roi Arthur. Quimperlé, 1863.

- Luzel* 1868 – *Luzel F.-M.* Chants et chansons populaires de la Basse-Bretagne. P., 1868.
Luzel 1870 – *Luzel F.* Contes bretons, recueillis et traduits par F.-M. Luzel. Quimperlé, 1870.
Luzel 1879 – *Luzel F.* Veillées bretonnes (Moeurs, Chants, Contes et Récits populaires des Bretons armoricains) par F.-M. Luzel. Morlaix, 1879.
Luzel 1881 – *Luzel F.-M.* Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne. 2 t. P., 1881.
Luzel 1887 – *Luzel F.-M.* Contes populaires de Basse-Bretagne. 3 t. P., 1887.
Luzel 1890 – *Luzel F.-M.* Chants et chansons populaires de la Basse Bretagne. P., 1890.
Luzel 1891 – *Luzel F.-M.* Contes et Légendes de Basse-Bretagne. P., 1891.
Mahé 1825 – *Mahé J.* Essai sur les antiquités du Morbihan. Vannes, 1825.
 Marais en Bretagne 1996–1997 – Marais en Bretagne // *Kreiz*. № 8. Textes réunis par G. Milin.
Milin 1996–1997 – *Milin G.* Un entre-deux-mondes? L'Imaginaire littéraire du marais au Moyen Age // *Kreiz*. № 8. P. 85–135.
Ozouf 1981 – *Ozouf M.* L'Invention de l'ethnographie française: le questionnaire de l'Académie celtique // *Annales. Economie. Sociétés. Civilisation*. 1981. № 2.
Perren 1808 – *Perren O.* Galerie des moeurs, usages et coutumes des Bretons de l'Armorique. P., 1808.
Postic, Simon 2006 – *Postic F., Simon J.-F.* Bretagne et ethnologie // *ArMen*. 2006. № 11–12 (155).
 Quand les Bretons. 1994 – Quand les Bretons passent à table. Manière de boire et de manger en Bretagne XIX–XX. Rennes, 1994.
Sébillot 1880–1882 – *Sébillot P.* Littérature populaire de la Haute Bretagne. P., 1880–1882.
Sébillot 1881 – *Sébillot P.* Littérature orale de la Haute Bretagne. P., 1881.
Sébillot 1882 – *Sébillot P.* Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne. T. 1–2. P., 1882.
Sébillot 1886a – *Sébillot P.* Coutumes populaires de la Haute Bretagne. P., 1886.
Sébillot 1886b – *Sébillot P.* Devinettes de la Haute Bretagne. P., 1886.
Sébillot 1886c – *Sébillot P.* Légendes, croyances et superstitions de la mer. P., 1886.
Sébillot 1890 – *Sébillot P.* Etudes maritimes. Les coquillages de la mer. Vannes, 1890.
Sébillot 1892 – *Sébillot P.* Les incidents des contes populaires de la Haute Bretagne. Vannes, 1892.
Sébillot 1901 – *Sébillot P.* Le folk-lore des pêcheurs. P., 1901.
Sébillot 1904–1907 – *Sébillot P.* Folklore de la France. vol. 1–4. P., 1904–1907.
Sébillot 1950 – *Sébillot P.* Le folklore de la Bretagne. P., 1950.
Segalen 1980 – *Segalen M.* Mari et femme dans la société. P., 1980.
Shiva 2006 – *Shiva I.* Ethnologie en miroir. Цит. по: *Postic F., Simon J.-F.* Bretagne et ethnologie // *ArMen*. 2006. № 11–12 (155).
Simon 1982 – *Simon J.-F.* Tiez, le paysan breton et sa maison. T. 1. Le Leon. Douarnenez, 1982.
Simon et al. 1985 – *Simon J.-F. et al.* L'architecture rurale française; corpus des genres des types et des variantes: Bretagne. P., 1985.
Simon 1986 – *Simon J.-F.* Les maisons à avancée du Finistère // *ArMen*. 1986. № 1.
Simon 1987 – *Simon J.-F.* La cheminée dans la maison traditionnelle // *ArMen*. 1987. № 11.
Simon 1988 – *Simon J.-F.* Tiez, le paysan breton et sa maison. T. 2. La Cornouaille. Douarnenez, 1988.
Simon 1996–1997 – *Simon J.-F.* Aux sources de l'Alber Ildut, les marécages farcinants de la Petite Russie // *Kreiz*. 1996–1997. № 8. P. 163–189.
Simon 1998 – *Simon J.-F.* Contribution à une anthropologie de l'espace. L'exemple de la Basse-Bretagne. Brest, 1998.
Souvestre 1928 – *Souvestre E.* Le foyer breton. Traditions populaires. Contes Bretons. Extraits du Foyer Breton. Stuttgart, 1928.
Souvestre 1836 – *Souvestre E.* Les derniers Bretons. 2 vol. P., 1836.
Souvestre 1840–1841 – *Souvestre E.* Mémoires d'un Sans-Culotte Bas-Breton. 3 vol. Bruxelles, 1840–1841.
Souvestre 1856a – *Souvestre E.* Au coin du feu. P., 1856.
Souvestre 1856b – *Souvestre E.* Les derniers paysans. P., 1856.
Souvestre 1857 – *Souvestre E.* Souvenirs d'un vieillard: la dernière étape. P., 1857.
Souvestre 1859 – *Souvestre E.* Histoires d'autrefois. P., 1859.
Souvestre 1860 – *Souvestre E.* Souvenirs d'un Bas-Breton. P., 1860.
Souvestre 1866 – *Souvestre E.* Contes et nouvelles. P., 1866.
Souvestre 1868 – *Souvestre E.* Les merveilles de la nuit de Noël. Recits fantastiques du foyer Breton. P., 1868.
Souvestre 1876 – *Souvestre E.* Les anges du foyer. P., 1876.
Souvestre 18 - - *Souvestre E.* Foyer Breton. Traditions populaires, P., 18 - -

STUDI 1975 – STUDI 1975. № 3.

Tanguy 1975 – *Tanguy B.* Les noms de lieux bretons. Toponymie descriptive // STUDI. 1975. № 3.

Tanguy 1996–1997 – *Tanguy B.* Marais, étangs et zones humides dans la nomenclature toponymique en Bretagne // *Kreiz*. 1996–1997. № 8. P. 31–50.

Thomas 1979a – *Thomas L.-V.* Civilisation et divagation. Mort, fantasmes, science-fiction. P., 1979.

Thomas 1979b – *Thomas L.-V.* Mort et pouvoir. P., 1979.

Van Gennep 1937 – *Van Gennep A.* Manuel de folklore français contemporaine. T. 3. P., 1937.

M.K. Liubart, J.-F. Simon. Breton Ethnology: From the Origins to the Present

The article discusses the establishment and history of ethnological discipline in Brittany, France, which is traced by the authors over the two-century span from the period of pioneering folklore collectors to the present day. The authors examine various aspects and features that set the Breton ethnological tradition apart as a specific and distinctive scholarly tradition in France. Throughout their examination, they focus on an array of themes, such as the connection between the discipline and ethnographic museums, the context of university institutionalization and learning, the outreach to the public, the involvement with cultural heritage programs, and the others.